

Кириллова И.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ...

По тревоге военнопленных выгнали из бараков. Истощенные, едва державшиеся на ногах, оборванные люди выстроились на плацу. Комендант, окруженный офицерами и автоматчиками, объявил: всех военнопленных решено перевести из лагеря в шахту, чтобы уберечь их от возможных бомбардировок авиации.

Тихий ропот пронесся в толпе узников.

До конца войны оставалось несколько дней. Вот-вот к концлагерю "Эбензее", созданному по приказу гестапо в одном из красивейших уголков Австрии, должны были подойти американские войска. И даже мысль оказаться сейчас глубоко под землей и не видеть неба над головой, не видеть солнца в канун своего освобождения из гитлеровской неволи показалась узникам чудовищной. Но лишь один из них знал в этот момент о коварном плане гитлеровцев. Лагерный переводчик успел сообщить ему, что, как только пленные опустятся в заброшенную шахту, она будет взорвана.

Худой, с запавшими щеками, этот узник – полковник Старостин мало чем отличался от других военнопленных. Быть может, лишь чуть лихорадочнее блестели его глаза, да жестче обозначалась складка в уголках крепко сжатого рта. Но не только товарищи по лагерю, даже комендант знали нестигаемую силу воли этого медленно умиравшего от туберкулеза человека. Знали, что прошел он через все муки Маутхаузена и других фашистских концлагерей, видел, как замучили гитлеровские палачи его соотечественника – генерала Дмитрия Карбышева. А некоторые знали и другое. Для них, коммунистов, этот человек был здесь, в гитлеровском концлагере, секретарем подпольной партийной организации. Вот почему многие ждали сейчас, что скажет он, их комиссар.

Тяжело переставляя ноги, Старостин сделал несколько шагов вперед, глубоко вдохнул воздух, и на плацу спокойно прозвучал его громкий голос:

– Мы все, как один, умрем здесь, но не пойдем в шахту!

Он дважды сказал эти слова по-русски. Затем, так же громко и спокойно, произнес их на немецком, французском, итальянском и английском языках...

И столько было убежденности в страстной короткой речи советского полковника, что все военнопленные поняли: "Палачи готовят провокацию. Спускаться в шахту нельзя!" И все они, как один, заявили: "В шахту – не пойдем!" И не пошли...

Спустя несколько дней, 6 мая 1945 года, узники "Эбензее" были освобождены американскими войсками. Их разместили в гостинице "Штайнкогель" на берегу реки Зее. Здесь они встретили День Победы,

здесь, написали первые письма на родину и впервые за многие годы мучений смогли по-человечески поесть, уснуть...

А полковнику Старостину становилось все хуже и хуже. Сказалось огромное нервное напряжение, последних дней. В самые тяжкие минуты он всегда находил в себе силы, чтобы ободрить и поддержать других. Но теперь, когда все страшное осталось позади, силы начали покидать его, он медленно угасал... Однажды вечером у него хлынула горлом кровь. Его товарищ по лагерному барaku бакинец Грант Айрапетов, бывший на фронте офицером штаба 23-й танковой армии, а теперь живший с ним в одной комнате, бросился на помощь другу.

Старостин слабо улыбнулся, покачал головой:

– Теперь, кажется, мне ничего не поможет... Слушай, товарищ! Я долго присматривался к тебе. Я верю тебе... Слушай и запоминай: "Я – не Старостин. Я – "Этьен"... Будешь в Москве, доложи... Ну-ка, нагнись поближе и запоминай... Одно прошу: все расскажи в Москве"...

...Капиталистический мир вступил в четвертое десятилетие нашего века, потрясенный невиданным экономическим кризисом. Миллионы людей труда теряли работу, превращались в нищих. Росло революционное настроение...

Буржуазия металась, ища спасения. Реакция видела выход из кризиса в войне, в захвате чужих земель, в фашизме. И фашизм пошел в широкое наступление. В мире стало тревожно, мир стоял накануне новой империалистической войны.

...В крупный промышленный центр одного из европейских государств прибыл состоятельный иностранец. Это был деловой и, видимо, весьма образованный человек. Он держался солидно, с достоинством, но не чуждался знакомств и умел внушить уважение окружающим.

Но была у него и другая, совсем иная жизнь. Жизнь, на которую способны только люди огромного мужества, воли и железной выдержки. Люди, до конца преданные большой идее, ради которой они всякую минуту сознательно идут на риск. И та работа, которую он выполнял тайно, и о которой знала лишь незначительная группа помощников, составляла существо всей его жизни.

Советский разведчик видел, что реакционное правительство страны, в которой он находился, лихорадочно готовится к захватнической войне. И он делал все для того, чтобы наиболее подробно информировать свое командование.

Эти сведения поступали от "Этьена" в Москву. Они были особенно ценны для безопасности нашего государства в предгрозовой обстановке назревавшей Второй мировой войны.

Работал "Этьен" много и напряженно, он рисковал жизнью ради того, чтобы знать, с каким оружием может пойти враг в наступление, если вспыхнет военный пожар, работал ради спасения жизни миллионов мирных людей.

Действовать советскому военному разведчику становилось все труднее. Один из помощников "Этьена" попал в поле зрения контрразведки и был арестован. Не выдержав жестоких пыток, он согласился выполнить предложенный контрразведкой план: встретиться с "Этьеном" в условленном месте и передать ему "документы".

Во время этой встречи "Этьен" был арестован...

Начались бесконечные допросы. По несколько дней "Этьена" держали в сыром подzemелье в полной темноте, морили голодом, не давали спать... Но добиться ничего так и не смогли. Он упорно молчал, не выдал ни себя, ни своих товарищей. Офицеры, проводившие следствие, вынуждены были записать в деле "Этьена", что их подследственный "иностранной национальности, но к какой стране он принадлежит – не было возможности выяснить. Предпринятое по этому поводу расследование позволяет считать, что данные им о себе сведения неверны, что конфискованный у него паспорт ненастоящий. Расследование продолжается... Почти все обвиняемые, имевшие с ним непосредственный контакт, говорят, что он – русский... Он, однако, не пожелал дать никаких объяснений по предъявленному ему обвинению и отрицал, что знает лиц, доставлявших ему документы..."

Так же стойко и мужественно держался "Этьен" на суде.

В Москву доходили сведения о мужестве разведчика: "...Э. в тюрьме ведет себя геройски. Его боится директор тюрьмы, его уважают все другие заключенные. По сообщению адвоката, был случай, когда заключенные объявили голодовку и за это получили по 15 суток карцера. Э. обратился к директору тюрьмы и потребовал в знак солидарности с другими заключенными, чтобы ему тоже дали карцер..."

Политзаключенные, находящиеся в тюрьме, с огромным уважением говорили о товарище-коммунисте.

В тюрьме "Этьен" тяжело заболел. У него открылся туберкулез. Но и болезнь не сломила его духа. Вся его жизнь, с юных лет наполненная борьбой, служила ему источником стойкости.

Вчера мы получили возможность познакомиться с некоторыми документами. "Этьен" – это советский полковник Лев Ефимович Маневич, коммунист с 1918 года. В том памятном огневом году он, 20-летним юношей, добровольцем пошел служить в Красную Армию. В составе Интернационального полка Бакинского Совета участвовал в боях против мусаватистов. Весной 1919 года сражался с бандами Колчака; был военкомом бронепоезда, вел активную партийную работу в Самаре, Баку, Уфе.

Рассказывая о тех годах, его боевой товарищ по гражданской войне Я. Н. Старостин, именем которого советский разведчик назвался в 1944 году в лагере смерти Маутхаузен, вспоминает:

"В 1920 году я был назначен председателем Райполитотдела станции Самара. Зимой в районе Сызрань, Батраки, Сургут, Подбельская

меньшевики подняли крестьянское восстание башкир нескольких селений. Мне было поручено мобилизовать членов партии...

Маневич сам пришел ко мне первым... Я назначил его командиром отряда. Когда отряд коммунистов прибыл на место Маневич один пошел к восставшим и силой своего слова, силой большевистской правды убедил их сложить оружие. Ночью башкиры проводили Маневича к составу, где коммунары ждали своего командира".

Окончилась гражданская война. Поля битвы превратились в нивы. Страна Советов начала строить мирную жизнь. Маневич заканчивает Академию имени Фрунзе. Через несколько лет он снова садится за учебу, на этот раз в Военно-воздушной академии имени Жуковского.

"Вынослив, зачастую работает с перегрузкой... Может командовать эскадрильей... Обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба", – так аттестуют его в это время командиры. Никто из них не знает, что Родина пошлет его на другую, еще более сложную и опасную работу...

Обо всем этом – о своей боевой жизни, об оставленной на Родине семье, видимо, не раз думал в долгие дни и ночи тюремного заключения полковник Маневич. Много думал о дочери Татьяне, о жене...

Листая пожелтевшие от времени документы, мы находим коротенькое письмо, пересланное верными людьми на свободу: "Тусенька, податель сего... был со мной в заключении несколько лет. Он парень верный... Кроме этой записки, я дал ему пароль, который ты, несомненно, поймешь.

Целую тебя, моя родная дочурка.

Твой папа Л. "

Убежденность коммуниста в правоте своего дела, вера в свою родную страну, в советский народ, в его неминуемую победу над фашизмом, помогли полковнику Маневичу выстоять, пройти через многочисленные концентрационные лагеря, в которые бросало его гестапо.

Тяжело больной, измученный тюрьмами и лагерями, он сумел благодаря своей железной воле дожить до Дня Победы. Полковник Маневич умер, так и не увидев больше неба Родины, но он умер свободным, непобежденным, несломленным, твердо веря, что прожил жизнь на пользу людям, оставаясь до конца своих дней пламенным патриотом социалистической Отчизны, нестигаемым коммунистом.

В мае 1965 года советский народ, все прогрессивное человечество будут отмечать 20-летие победного окончания Великой Отечественной войны, разгрома фашистской Германии. В победе над злейшим врагом народов – фашизмом – была и доля советского офицера-разведчика, отдавшего жизнь за счастье людей. Он до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной.

Полковник Маневич был похоронен на берегу реки Зее. Товарищи по концлагерю "Эбензее" во главе с генерал-майором Митрофановым

возложили на могилу большой венок живых цветов. Склонив голову, стояли над свежей могилой бывшие узники фашистского лагеря смерти.

В середине 1948 года прах полковника Маневича был перезахоронен на кладбище Санкт Мартин-Зюд. Это тихое кладбище находится на западной окраине австрийского города Линц. На могиле установлен обелиск с надписью: *"Здесь покоится прах советского офицера полковника Старостина Якова Никитича. Умер 12.5.1945г."*

Кириллова, И. Герои не умирают... / И. Кириллова, К. Распевин // Правда. — 1965. — 21 февраля. — С. 6.